

В одной из уединённых комнат, расположенной в глубине внутреннего дворца, король Эн подвергся суровому испытанию, потребовавшему от него применить все свои недюжинные, но попусту растрачиваемые способности.

— Ладно, ладно, ребята, я всё понял! — сказал Шорью, оглядывая четырёх мужчин, окружавших и медленно подступавших к нему.

— Вы поняли? — недоверчиво посмотрел на него Итан. — И это всё, что вы хотите нам сказать?

— Я готов встать на путь истинный! Никогда раньше на моей памяти меня не ставили в столь унижительное положение. Я боюсь, что стыдливые воспоминания об этом дне останутся со мной на всю оставшуюся жизнь.

— Смотрите-ка! — раздался голос позади него, но Итан не обратил на него внимания.

— Да уж, — вздохнул Шуко.

— В чём, по-вашему, заключаются обязанности короля? Вы стоите во главе государства, словно капитан корабля, и куда, по-вашему, мы должны приплыть с таким капитаном? Как вы собираетесь управлять министрами? Вы должны служить примером для подражания для всех ваших подданных. Я... я, наверное, не смогу больше смотреть в глаза своим подчинённым.

— Несомненно, — подал голос человек, стоявший до этого с беспристрастным видом и едва ли произносивший что-либо. — Признаться, когда я впервые с этим столкнулся, у меня отвисла челюсть. Мне стыдно даже осознавать, что меня будут ассоциировать с этим царским дураком.

— Эй, Капризный, значит, даже ты решил поворчать на меня?

«Капризный» было прозвищем, которое Шорью дал этому человеку. Его звали Сейшо, это был худощавый молодой человек со смуглой кожей, который, несмотря на своё щуплое телосложение, являлся секретарём короля по военным делам и возглавлял личное войско короля в качестве Дайбоку.

Сейшо попал в дворцовую стражу ещё при правлении короля Кё. У него была репутация опытного и смекалистого бойца, и поговаривали, что в военном ремесле ему не было равных. Он был арестован за критику действующего режима, но даже такой падший человек, как король Кё, не смог решиться казнить его, и велел лишь бросить его в тюрьму.

Само собой, после смерти короля Кё, Сейшо сразу же захотели освободить. Однако, Сейшо отказался выходить из своей камеры, заявив, что, будучи заключённым по приказу короля, он мог быть помилован только королём. В итоге его принципы не позволяли ему выйти на свободу на протяжении следующих пятидесяти лет, даже несмотря на то, что его камера была не заперта.

— При всём уважении, я попросил бы вас не называть меня столь уничижительным прозвищем.

— Тебе не нравится?

— Конечно же, нет.

— Всяко лучше, чем у меня, — с завистью заметил Итан, глядя на недовольного Сейшо. — Я вообще «Отчаянный».

Дарование подобных уникальных титулов своим подданным считалось символом величайшей чести и признания со стороны короля. Хотя, конечно, вряд ли подданные Шорью были рады таким прозвищам как «Отчаянный», «Безрассудный» или «Капризный». Раз уж на то пошло, то собственного сайхо, Рокуту, Шорью прозвал «Оленем», просто потому что, впервые увидев Кирина, он окрестил его «рогатой лошадью». Сам король был чрезвычайно доволен получившейся игрой слов, однако, помимо него, никто во дворце не смеялся над этой шуткой.

— Ну и ну, — протянул явно расстроенный Чотацу. — Нынче все мы стали всего-навсего посмешищами.

— Так и есть, — подтвердил Рокута. Все трое синхронно обернулись к нему, явно недовольные его высказыванием.

— За вами, тайхо, между прочим, не меньше вины, чем за Его Величеством!

— Эй! — пожав плечами, возразил Рокута. — Это не я здесь имею пристрастие к азартным играм!

— А могу ли я тогда узнать, чем же вы занимались, пока отсутствовали при дворе?

— Я... спускался вниз, пронаблюдать за ходом восстановления сельского хозяйства, — смущённо улыбнувшись, ответил Рокута.

— И какие же выводы вы сделали из этих наблюдений?

— Ну-у-у...Эм...

— Маленький злословящий предатель, — фыркнул Шорью. Рокута недовольно воззрился на своего повелителя.

— Во-первых, ты игроман и развратник, — возразил он. — А во-вторых, теперь твои грешки аукаются и мне тоже! Как, по-твоему, я должен себя чувствовать? Уж точно не смеяться.

— И это говорит мне ребёнок, сбегающий с занятий!

— Не сравнивай отлынивание от занятий с наплевательским отношением к управлению целым королевством! А ещё ты пару раз даже сбежал из города!

— Суть всё равно одна и та же.

— Там, откуда я родом, это поступки совершенно разных масштабов!

— Да будьте же вы серьёзнее! — не выдержав, воскликнул Шуко, ударив кулаком по столу.

— Извини, — вскинув перед собой руки, ответил Шорью. — В дальнейшем я, правда, займусь делами правительства. Доволен?

— Я могу расценивать это заявление как искренний акт вашей доброй воли?

— На западе творятся какие-то тёмные делишки, — покачал головой Шорью. — В любом случае пока что лучше всего будет посидеть тихо, и не дёргаться никуда из дворца.

Все четверо удивлённо взглянули на него.

— Запад...

— Провинция Гэн, — улыбнулся Шорью. — Лучше подготовиться, потому что ждать они не станут.

Итан, не удержавшись, оглянулся назад. Он был уверен, что подыскал достаточно уединённое помещение, когда собирал это импровизированное собрание. Однако сейчас ему почему-то показалось, что в комнате помимо них был кто-то ещё.

— Вы имеете в виду...

— Это просто уличный слух. В последнее время в провинции Гэн заканчиваются запасы зерна. Солдаты из провинции Гэн появляются в столице несколько раз в месяц, где пьют и кутят, словно матросы в порту. Однако они всегда прибывают с пустыми руками, и отбывают, гружёные багажом.

— Хотите сказать, что они возят контрабанду из Канкью?

— Если это еда — ничего страшного. Но если это оружие...

— Мне сложно представить себе, как они сумеют накопить достаточно оружия, чтобы устроить восстание, — Шуко озадаченно склонил голову набок. — Если бы они собирали по столице военное снаряжение, то слухи об этом рано или поздно дошли бы до нас.

— Вообще-то, — улыбнулся Шорью. — В Канкью расположена королевская оружейная.

Сейшо прищурился. Неужели заведующий оружейной действительно сбывал казённое имущество на чёрном рынке? Под конец правления короля Кё, власти скопили огромное количество оружия и всевозможной амуниции. После его смерти, большая часть запасов была продана, дабы пополнить королевскую казну, однако эти действия неизбежно насыщали рынок, а значит — приводили к обвалу цен. В результате многие оружейные склады до сих пор оставались забитыми под завязку.

— За этим стоит наместник провинции Гэн? — поинтересовался Шуко.

— Говорят, он боялся короля Кё, — кивнул Итан. — И затем, после его смерти, он сперва опасался восстания, а сейчас — смещения с должности. Поэтому он забаррикадировался в своём дворце и отказывается выходить. Поговаривают, что он очень нервный человек.

— Загнанная в угол крыса способна укусить кошку, — ответил Шорью. — Если прижать человека к стенке, он может устроить такое, на что он никогда не осмелился бы в спокойной обстановке. Хуже всего то, что главный секретарь кабинета министров, говорят, обладает острым умом и смекалкой. Его зовут Ацую, и, насколько мне известно, он сын наместника провинции Гэн.

— А вы неплохо осведомлены, — одобрительно протянул Итан.

— Я всего лишь озвучил городские слухи. Зря вы игнорируете народную мудрость — иногда она бывает весьма полезна.

— Конечно же, — ответил Итан, выглядевший искренне впечатлённым.

— При всём уважении, Ваше Величество... — вежливо кашлянув, произнёс Шуко.

— Что такое?

— Вам нет никакой нужды общаться с вашими подданными под видом простолюдина и притворяться шпионом!

Шорью закатил глаза, услышав это. Рокута усмехнулся, и поднялся на ноги.

— Что такое, Рокута? — поинтересовался Шорью.

— Ваш разговор зашёл в неинтересное мне русло, — ответил он, уже стоя в дверях. — И, раз уж это не имеет ко мне никакого отношения, то я ухожу.

<http://tl.rulate.ru/book/4471/455186>